

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВНУТРЕННИЙ СУВЕРЕНИТЕТ ПРИДНЕСТРОВЬЯ И АБХАЗИИ 30 ЛЕТ ФАКТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

ВЛАДИМИР КОЛОСОВ

МАРИЯ ЗОТОВА

Институт географии РАН, Москва, Россия

Резюме

Приднестровье и Абхазия провозгласили свою независимость более 30 лет назад. В трудоспособный возраст уже вступили поколения, родившиеся и выросшие в непризнанных государствах. В связи с этим актуален вопрос, как граждане Приднестровской Молдавской Республики и Республики Абхазия ныне понимают независимость, насколько она для них важна, какими они видят перспективы своих государств и какие жизненные стратегии они выбирают. В статье авторы сравнивают результаты 13 фокус-групп, проведённых в Приднестровье и Абхазии осенью 2020 года, с основными социально-экономическими показателями государств де-факто и их соседей. Такой подход позволил связать восприятие проблем повседневной жизни с изменениями идентичности граждан и внутреннего суверенитета непризнанных государств, выделить факторы, объединяющие и разделяющие различные социальные группы, оценить их отношение к текущим результатам и перспективам государственного строительства. Разный состав групп позволил сравнить мнения, *во-первых*, граждан, которые были социализированы после распада Советского Союза и в советское время, *во-вторых*, разных этнических групп, мужчин и женщин, и, *в-третьих*, жителей разных районов государств де-факто. В ходе исследования было выявлено, что Абхазия и Приднестровье по большинству основных экономических показателей отстают от средних значений соседних стран и лишь по отдельным индикаторам могут быть сопоставлены с соседними периферийными регионами. Отсутствие значительного экономического прогресса потенциально может сказаться на лояльности граждан политическому режиму и негативно повлиять на жизнеспособность республик. В этом контексте в абхазском и приднестровском обществе были выявлены признаки усталости от неудобств жизни в непризнанной республике и низкого уровня доходов по сравнению с соседними странами и материнским государством.

Ключевые слова:

государства де-факто; фактические государства; государства на деле; непризнанные государства; постсоветское пространство; Приднестровская Молдавская Республика; Республика Абхазия; суверенитет; соседство; государство-патрон; материнское государство; социально-экономическое развитие; представления жителей.

Статья подготовлена при поддержке проекта Российского научного фонда «Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России» № 19–17–00232. Сбор статистических показателей и анализ социально-экономических различий (раздел «Социально-экономическое развитие как основа внутреннего суверенитета») выполнены в рамках ГЗ ИГ РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2022

Дата принятия к публикации: 22.08.2022

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: vladimirkolossov@gmail.com

Многие регионы мира поражены кризисом государственности и связанными с ним процессами фрагментации политического пространства, спровоцированными как внутренними причинами, так и иностранным вмешательством. Из-под контроля признанных международным сообществом государств вышли обширные территории. Часть из них существуют уже на протяжении десятилетий и превратились в арены соперничества местных вождей, радикальных политических лидеров, криминальных группировок, наркобаронов и не обрели стабильных границ [Kolosov, O'Loughlin 1999]. В других случаях сформировались политии, обладающие большинством атрибутов государства, но не признанные международным сообществом или признаваемые лишь отдельными странами. Единства терминологии в их изучении пока не сложилось. Их нередко называют государствами де-факто, используются и другие термины. Одно из наиболее распространённых определений государства де-факто ещё в 1998 г. дал американский политолог Скотт Пегг: это «территориальные единицы (entities), наделённые организованным политическим руководством, пользующимся народной поддержкой и достаточными возможностями для предоставления государственных услуг населению на своей территории, над которой они сохраняют эффективный контроль в течение довольно длительного периода времени, но которые остаются нелегитимными в глазах международного сообщества» [Pegg 1998: 5]. Многолетнее существование неконтролируемых территорий и непризнанных государств стало неотъемлемой чертой мирового порядка.

Вот уже более 30 лет назад Приднестровье и Абхазия отделились от своих материнских государств и затем провозгласили независимость. Ход событий в этих двух самых крупных и сложных по составу населения и структуре экономики республиках из четырёх фактических государств, возникших в процессе распада СССР, послужил предметом исследования во многих публикациях [Blakkisrud et al.

2021; Dembinska 2021; Shesterina 2021; Berg and Wits 2022]. Такие сравнения высвечивают общие черты развития государств де-факто и в то же время их специфику и различия [Pegg 2017].

Приднестровье и Абхазию объединяют сложный этнический состав населения и необходимость построить общую для всех групп политическую идентичность. В Абхазии полное решение этой задачи отложено из-за ряда обстоятельств, связанных в первую очередь с дискриминацией грузинской общины и лиц, принимавших участие в войне 1991–1993 годов на грузинской стороне. Эти группы населения лишены гражданства и, по существу, выведены за контур общественно-политической жизни. Жители Галского района могут получить абхазские паспорта только в случае отказа от грузинских, которые важны для мингрелов Абхазии не только как символы идентичности, но и из прагматических соображений (получение пенсий и социальных пособий и др.). Кроме того, президент Абхазии может быть избран только этнический абхазец, что также препятствует консолидации политической нации.

Последствия и память о 13-месячной кровопролитной войне Абхазии с Грузией сильно отягощают современные отношения республики с материнским государством и влияют на абхазскую идентичность. В отличие от Абхазии, «горячая» фаза конфликта между Приднестровьем и Молдовой была непродолжительной, и непримиримого конфликта между молдаванами и другими этническими группами не возникло. Граница между Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) и Молдовой остаётся относительно прозрачной.

В то время как большинство граждан Абхазии могут использовать только российские паспорта и сталкиваются с серьёзными трудностями при получении иностранных виз, многие приднестровцы имеют три и даже четыре паспорта (обычно приднестровский, российский, молдавский и украинский) и могут свободно выезжать за границу. Тысячи граждан ПМР работают в Молдове, России, Италии, Германии и

других странах и могут сравнивать жизнь в своей республике, в материнском государстве и в других странах. Эти факторы делают особенно актуальным сравнение социальной и экономической динамики в Приднестровье и Абхазии.

Основная цель данной статьи – проанализировать взаимосвязь между объективной экономической ситуацией и внутренним суверенитетом двух постсоветских непризнанных республик. В чём ценность независимости для их граждан? Считают ли они, что их республики действительно независимы? Как отсутствие универсально признанного политического статуса влияет на их жизнь? Довольны ли они своей жизнью и уровнем доходов? Переувешивает ли важность независимости трудности, вызванные отсутствием политического статуса? Как люди оценивают перспективы своих республик и отношения с внешними акторами – в первую очередь с материнским государством и государством-патроном?

Методология исследования

В исследованиях 2010-х – 2020-х годов, посвящённых непризнанным государствам, раскрывается сущность внутреннего и внешнего суверенитета и взаимосвязь между ними. Под внутренним суверенитетом подразумевается право и способность государства осуществлять контроль над своей территорией, добываясь легитимности в восприятии большинства населения, в том числе в регионах компактного проживания этнокультурных меньшинств, формируя или укрепляя идентичность граждан независимо от их происхождения, обеспечивая их приемлемым набором общественных услуг, выстраивая государственные институты и поддерживая общественный порядок, создавая условия для экономического развития и роста доходов, перераспределяя через свой бюджет часть из них [Себенцов, Колосов 2012; Caspersen 2012; Dembinska and Campana 2017; Bakke et al. 2018; Колосов, Кривенко 2021; Колосов и др. 2021]. Важнейший критерий эффективности экономической и социальной политики и оценки внутреннего суве-

ренитета – баланс миграции. Массовая эмиграция и, как следствие, депопуляция снижают внутренний суверенитет. Внешний суверенитет означает готовность других государств признавать это право и вступать в формально равноправные политические, экономические и иные связи [Маркедонов 2021].

Важнейшее значение в изучении непризнанных государств имеет концепция «градуированного суверенитета»: согласно современным взглядам, суверенитет делим, и его уровень можно оценить с помощью конкретных показателей, что открывает возможности сравнивать непризнанные государства между собой и с государствами – легитимными членами международного сообщества [Ó Beacháin 2019]. В частности, отсутствие признания большинством государств не означает, что у новой политики вовсе нет внешнего суверенитета: она может вести с зарубежными партнёрами переговоры о своём статусе, наладить отношения с международными организациями, экономическими акторами, органами местной власти за границей, эффективно контролировать потоки людей, товаров и капиталов через свои границы [Маркедонов, Окунев 2020; Caspersen 2018; Blakkisrud et al. 2020].

Жёсткого разграничения между внешним и внутренним суверенитетом нет. Внешний суверенитет способствует экономическим связям с другими государствами и тем самым – росту экономики, созданию новых рабочих мест, а стало быть, и укреплению внутреннего суверенитета [O'Loughlin et al. 2014; Berg, Mölder 2018; Berg, Vits 2018a]. В то же время экономическое развитие отражается во взаимодействии с внешним миром [Hoch 2018; Broers 2013]. Упрочение внутреннего суверенитета и, в частности, легитимности политического режима выступает важнейшей предпосылкой роста внешнего суверенитета, что проявляется в различной степени фактического признания [Caspersen 2012; Pegg 2017].

Мобилизация граждан под воздействием внешней угрозы, обычно исходящей от материнского государства, пытающегося

ся вернуть сепаратистский регион в своё лоно, со временем неизбежно ослабевает, и власти вынуждены искать другие способы сохранения легитимности [Маркедонов 2012; O'Loughlin and Kolosov 2017; Dembinska, 2018; Berg, Pegg 2020]. Непризнанные государства соревнуются за лояльность населения в первую очередь с материнским государством. Благополучие жителей сепаратистского региона по сравнению с остальной частью страны – это один из важнейших показателей устойчивости их политических режимов и критерий для оценки успешности претензий на независимость и внешнюю легитимность.

В этой связи в следующем разделе мы проведём сравнение экономической ситуации в Приднестровье и Абхазии с соседними государствами и её восприятия гражданами. После этого будет проанализировано сочетание экономической ситуации с социально-политическими ценностями – пониманием независимости, оценкой исторического опыта республики и представлениями о родном крае. Наконец, мы рассмотрим общественные представления, связанные с отношением к материнскому государству и государству-патрону как элемент идентичности и внутреннего суверенитета, критически важный для разрешения конфликта.

Статья основана на материалах полевых исследований, проведённых в Приднестровье и Абхазии летом и осенью 2019 и 2020 годов. Источником информации о представлениях граждан послужили 13 фокус-групп (открытых групповых дискуссий), проведённых в обеих республиках осенью 2020 г. Этот качественный метод позволяет получить представление о коллективном мнении путём обсуждения поставленных исследователем вопросов с небольшим количеством участников [Levinson 2007; Stewart, Stamdani, and Rook 2009]. Далее полученные с помощью фокус-групп материалы были сопоставлены со статистическими социально-экономическими показателями, почерпнутыми из официальных публикаций непризнанных республик и материнских государств.

В качестве рекрутеров и модераторов выступили профессиональные социологи – сотрудники Центра социальных и маркетинговых исследований (Краснодар) и агентства «Ренессанс» (Тирасполь). По разработанному авторами гайду проведено семь фокус-групп в Абхазии и шесть в Приднестровье. Его отдельные вопросы отражали специфические проблемы республики, но при этом была обеспечена сопоставимость полученных данных. В гайд, в частности, были включены вопросы о повседневной жизни, частоте, направлениях и мотивах поездок за пределы Абхазии и Приднестровья, семьях за рубежом, важности независимости, отношении к материнскому государству, России и другим иностранным игрокам. Некоторые вопросы были заданы в игровой форме: респондентам предлагалось нарисовать фигуры, изображающие своё и соседние государства, и представить диалог между ними. Каждая из фокус-групп длилась не менее двух часов. Их скрипты образуют обширные тексты, каждый из которых насчитывал в среднем около 50 страниц.

Одна из гипотез исследования состояла в предположении о различии мнений, *во-первых*, граждан, социализированных после распада Советского Союза и в советское время, *во-вторых*, представителей основных этнических групп (в Абхазии – абхазов, мингрелов, армян, в Приднестровье – русских, украинцев и молдаван), *в-третьих*, жителей районов, различающихся по географическому положению, специализации хозяйства, составу и уровню доходов населения. Кроме того, в Абхазии, учитывая местный менталитет, были проведены фокус-группы отдельно с мужчинами и женщинами. В Абхазии исследования проводились в Сухуме, в относительно благополучных туристических северо-западных районах (Гагра) и бедных юго-восточных (Очамчира и Гал, где сосредоточено мингрельское население). В Приднестровье в качестве мест проведения фокус-групп, помимо Тирасполя, были выбраны Бендеры, расположенные на правом («молдавском») берегу

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Приднестровья и соседних регионов Украины и Молдовы, 2018 г.

Страна/регион	Население, тыс. жителей	ВРП на душу населения, долл. США (по ППС)	Среднемесячная заработная плата, долл. США (по ППС)
Украина	42 364	12 601	1169
Одесская область	2383	10 950	1056
Винницкая область	1574	10 661	1028
Приднестровье	469	5784	717
Молдова	3547	9661	976
Сороки	99	нет данных	774
Флорешты	85	нет данных	779
Шолданешты	41	нет данных	742
Резина	50	нет данных	842
Оргеев	124	нет данных	850
Криуляны	73	нет данных	812
Дубоссары	34	нет данных	769
Кишинёв	833	нет данных	1166
Анений-Ной	83	нет данных	830
Каушаны	89	нет данных	716
Штефан Воды	69	нет данных	733

Источник: составлено авторами по: [Statistical yearbook 2019, 2019; Statistical publication Regions of Ukraine 2019, 2020; Moldovei statistica teritoriala 2019, 2020].

Днестра и имеющие наиболее удобное сообщение и тесные связи с Кишинёвом, а также Рыбница и Дубоссары.

Такой подход позволил связать восприятие проблем повседневной жизни с изменением идентичности жителей и динамикой внутреннего суверенитета непризнанных государств, выделить факторы, объединяющие и разделяющие разные социальные группы, оценить их отношение к текущим результатам и перспективам государственного строительства, а также к материнскому государству, государству-патрону и другим ключевым мировым игрокам.

Социально-экономическое развитие как основа внутреннего суверенитета

В первые годы независимости благодаря более высокому промышленному потенциалу – наследию советской эпохи – социально-экономическая ситуация в Приднестровье была стабильнее, чем в Республике Молдова. Приднестровье было одним из наиболее развитых регионов Молдавской

ССР: в 1989 г. оно производило около 35% ВВП, 56% товаров народного потребления, треть сельскохозяйственной продукции, почти всю электроэнергию [Колосов, Заяц 2001]. Большие контрасты в уровне урбанизации (соответственно 38,2 и 70%) также повлияли на различия в социально-экономическом развитии правого и левого берегов Днестра. За 30 лет независимости градиенты на молдавско-приднестровской границе изменились.

Приднестровье постепенно теряет былое преимущество перед остальной частью Молдовы по уровню жизни населения. К концу 2010-х годов ПМР сохраняла некоторое превосходство в доступности и обеспеченности социальными услугами, но уже проигрывала Молдове по показателям душевого ВРП и уровню заработной платы [Assessment... 2017] (табл. 1).

В условиях высокой зависимости от внешней торговли и постоянной угрозы блокады открытость границы не сильно снизила экономическую уязвимость ПМР, но стала одним из факторов массовой эми-

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели Абхазии и соседних регионов России и Грузии, 2018 г.

Страна/регион	Население, тыс. жителей	ВРП на душу населения, долл. США (по ППС)	Среднемесячный доход, долл. США (по ППС)	Промышленное производство на душу населения, долл. США (по ППС)	Сельскохозяйственное производство на душу населения, долл. США (по ППС)	Розничный товароборот на душу населения, долл. США (по ППС)
Абхазия	245	5255	413	772	2007	2793
Россия	146810	23361	1678	18807	1397	8254
Краснодарский край	5603	16822	1299	8635	2755	9371
Адыгея	454	9638	1054	5188	1947	8044
Карачаево-Черкесия	466	6675	976	3757	2556	3159
Грузия	3729	12680	1153	3879	1489	4094
Самегрело и Верхняя Сванетия	321	7860	819	1646	нет данных	нет данных

Источник: составлено авторами по: [Abkhazia in Numbers 2019, 2020; Регионы России 2019, 2019; Statistical Yearbook of Georgia: 2019, 2019].

грации. Многие жители приднестровских городов работают в Кишинёве, где уровень заработной платы, выбор товаров и услуг выше [Колосов, Кривенко 2021]. В целом население Приднестровья сокращалось быстрее, чем в Молдове. В абсолютных цифрах демографические потери Приднестровья с 1990 по 2020 г. составили 30,1%, или 241 тыс. человек, Молдовы – 26,6%, или 947 тыс. Обе территории страдают от массовой трудовой эмиграции, вымывающей население трудоспособного и репродуктивного возраста.

Абхазия не обладает значительным экономическим потенциалом, несмотря на частичное восстановление экономики после признания Россией. По душевому ВРП по паритету покупательной способности (ППС) республика значительно уступает средним показателям по России (в 2–3,5 раза) и Грузии (в 1,5 раза). Различия с соседними регионами этих стран меньше, но всё же остаются значительными (в 1,5–2 раза, табл. 2).

Абхазия по-прежнему заметно отстаёт от соседних регионов Грузии и России по объёму промышленного производства на душу населения (в среднем в 3–5 раз). Усилилась аграрная специализация республики. Благодаря экспорту она вплотную

приблизилась к соседним регионам России по объёму сельскохозяйственного производства на душу населения (см. табл. 2). Вместе с тем, несмотря на признаки интеграции в российское экономическое и социальное пространство, отсутствие широкого международного признания ограничивает частные иностранные инвестиции (в том числе российские), что, в свою очередь, увеличивает риск дальнейшего экономического отставания. Кроме того, они сдерживаются стремлением не допустить на свой рынок более сильный российский капитал.

Сложившиеся градиенты влияют на трансграничную мобильность между непризнанными государствами и соседними странами. Жители Абхазии, особенно приграничного Гагрского района, регулярно ездят в Сочи и другие города Краснодарского края за более дешёвыми и качественными товарами и за медицинскими услугами. На юге, в первую очередь среди мингрелов Галского района, широко распространены поездки за медицинскими услугами в Грузию, где для жителей Абхазии действуют бесплатные программы лечения [Kolosov, Zotova 2021].

Таким образом, и Приднестровье, и Абхазия по основным социально-экономиче-

ским показателям отстают как от государства-патрона, так и в большинстве случаев от материнского государства. Они явно проигрывают соревнование с ними в экономической конкуренции. Подтверждается вывод П. Колсто, сделанный около 15 лет назад: постсоветские непризнанные государства остаются экономически слабыми, а их жизнеспособность обеспечивают сохранение внутреннего суверенитета, укрепление идентичности, а также поддержка сильного патрона [Kolsto 2006].

В то же время отсутствие значительного экономического прогресса может потенциально влиять на лояльность граждан политическому режиму и отрицательно сказываться на жизнеспособности непризнанных государств. Ситуация, однако, смягчается соседством непризнанных государств со слабыми периферийными регионами материнского государства и других соседних стран. В результате трансграничные экономические различия могут быть не такими большими, как между государствами в целом. Некоторые экономические успехи, связанные с поддержкой государства-патрона и функционированием конкурентоспособных предприятий, продукция которых пользуется спросом за рубежом, также делают контрасты менее заметными. Кроме того, благодаря трансграничным поездкам жители непризнанных государств могут удовлетворять свои повседневные потребности за счёт доступа к более дешёвым товарам и услугам в соседних государствах. Более сильное отставание непризнанных республик по обороту розничной торговли на душу населения, чем по доходам и средней заработной плате, свидетельствует о том, что их граждане тратят значительную часть своих доходов в приграничных районах соседних государств.

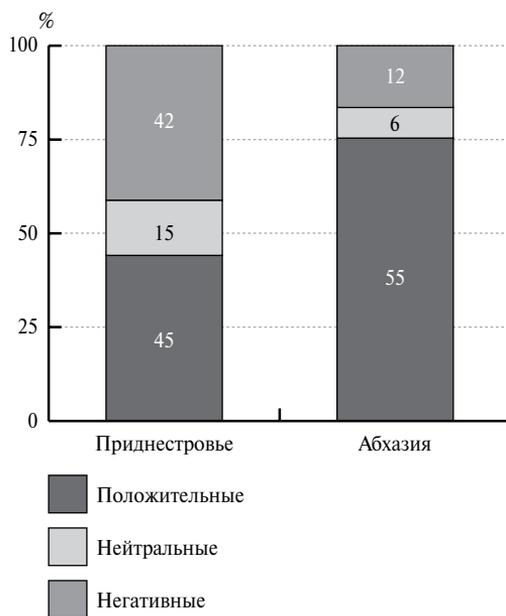
Что означает независимость? Внутренний суверенитет в представлении граждан

Как отмечалось многими авторами [Колосов, Заяц 2001], специфическая идентичность Приднестровья возникла в результате исторического развития этой

территории, её индустриализации и урбанизации после Второй мировой войны, а также формирования полиэтничного состава населения. Фокус-группы показали, что многие респонденты, особенно молдаване и тираспольцы, любят свой край. Коннотации большинства участников дискуссий с родной землёй (тест СЕМАТ) явно положительные: *любимая, родная, красивая, живописная, экологически чистая, богатая, туристическая, цветущая*. Многие приднестровцы верят в благоприятные перспективы своего региона, называя его развивающимся, многообещающим, хотя и с нераскрытым потенциалом.

Граждане Абхазии ещё патриотичнее приднестровцев: позитивные определения своей республики абсолютно доминировали во всех фокус-группах (рис. 1). Её называли *тёплой, красивой, зелёной, гостеприимной, интересной своей культурой и национальными традициями*.

Рисунок 1
Доля положительных, нейтральных и негативных определений своей республики в ответах респондентов Приднестровья и Абхазии, %

Источник: составлено авторами по материалам фокус-групп.

Жители Приднестровья и Абхазии рассматривают независимость прежде всего через призму экономического развития и, как следствие, экономической самодостаточности, роста благосостояния граждан, возможности полноценной внешнеэкономической деятельности и сотрудничества с другими странами: *«Независимость означает наличие самодостаточного, свободного, признанного государства ... способного ... обеспечить себя всем необходимым»* (Тирасполь, молодёжь). Все группы заявили о необходимости более активного экономического развития как основы независимости: *«На бумаге быть независимым государством нехорошо. Нам нужна своя экономика, инфраструктура, валюта»* (Очамчира, смешанная группа).

Для приднестровцев чрезвычайно важна символическая составляющая независимости – признание международным сообществом. Для них, особенно молодых, важно официально называть себя за границей гражданами Приднестровья, а не молдаванами, русскими или украинцами, и подавать приднестровский паспорт наравне с гражданами других стран. *«Мы станем независимыми и начнём продавать наши товары как приднестровские... Мы сейчас ... все представлены на международной арене как россияне, граждане Молдовы или Украины, но я хочу представить себя гражданином Приднестровья»* (Тирасполь, молодёжь).

Для жителей Абхазии независимость также означает способность самостоятельно управлять природными ресурсами – мотив, вызванный продолжающейся дискуссией в местных СМИ о возможной передаче нефтяного месторождения, обнаруженного на абхазском шельфе, российской компании. В некоторых группах (Очамчира; Сухум, мужская группа) также отмечалось, что независимость определяется способностью проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику и иметь свою армию.

Острее вопрос независимости обсуждался в женской группе Сухума. Для женщин *«независимость – это национальная идея, стоящая выше экономической. Это основная*

идея для нас, пока живёт поколение, пережившее блокаду ... Мы выжили, и это, правда, генетическая память».

В обеих республиках респонденты разного возраста и социального статуса разделяют идею независимости, считают своё государство «нормальным», «внутренне устоявшимся», подчёркивают свою специфическую идентичность, «инаковость» по сравнению с гражданами материнского государства. Один из столпов приднестровской идентичности – интернационализм: все без исключения респонденты убеждены, что, в отличие от Молдовы и Украины, межэтнические отношения в ПМР гармоничны и созданы условия для комфортного развития языков и культур всех трёх основных этнических групп – молдаван, русских и украинцев. *«Приднестровье должно быть независимым, потому что у него свои традиции, обычаи, свой народ. А для этого, как мне кажется, просто нужно поднять экономику»* (Бендеры, смешанная группа).

В то же время в числе респондентов было немало и скептиков. Они подчёркивали критическую зависимость республики от внешних сил. Поскольку экономика Приднестровья в значительной степени зависит от доступа к внешним рынкам, транзита через территорию Молдовы или Украины и российской помощи, некоторые участники дискуссий считают, что их республика не имеет подлинной независимости. К тому же они не верят в возможность достижения экономической самодостаточности. *«У нас нет денег, чтобы быть независимыми. Мы получим свободу, и тогда мы поймём, что у нас даже нет денег на поддержку посольств в других странах»* (Бендеры, смешанная группа).

Для скептиков характерны преимущественно негативные ассоциации с Приднестровьем: неопределённое, слабое, советское, подавленное, коррумпированное, обманутое, нищее, беспомощное, «шерифовское», стареющее, изолированное. Эти респонденты выражают недовольство не только отсутствием заметного экономического роста, вызванным сложной геополитической ситуацией.

тической ситуацией, но и монопольным положением компании «Шериф», коррумпированностью местных органов власти, цензурой в СМИ. Заметная часть участников фокус-групп, особенно молодёжь, не считает ПМР состоявшимся государством, жалуясь на ограничение свободы слова и отсутствие независимых СМИ. Ряд респондентов напрямую связывают проблемы Приднестровья с монополизацией власти местными олигархами и слиянием холдинга «Шериф» с государством. Оценивая средние- и долгосрочные перспективы, скептики полагают, что рано или поздно ПМР будет присоединена к более крупной стране и, скорее всего, вернётся в состав Молдовы. *«Все находятся как бы в клетке. Потому что здесь нас заставляют голосовать... ограничивают свободу слова. ... “Шериф”, заполняющий абсолютно всё пространство, не даёт возможности открыться... стартам»* (Тирасполь, молодёжь).

Недовольство сложившейся в республике ситуацией и отсутствием перспектив выливается не в политический протест (массовые акции или голосование на выборах), а в эмиграцию – на Запад или, чаще всего, в Россию. В период между переписями населения с 2004 по 2014 г. миграционный отток из Молдовы был активнее, чем из ПМР, но в последующем миграция трудоспособного населения из Приднестровья ускорилась. Около четверти экономически активного населения ПМР находится за рубежом, в том числе 75–80% – в России [Колосов, Кривенко 2021].

В Абхазии отношение к независимости, особенно у абхазов, хранящих память о долгой войне с Грузией, острее, чем в ПМР. Независимость для них – вопрос выживания абхазского этноса. *«Некоторые говорят: “Россия дала вам эту независимость на блюдечке с голубой каёмочкой”. А у нас погибло около 6–7 тысяч человек, и мирных жителей, и военных, чтобы мы эту независимость отстояли... Это мы по праву заслужили и отстояли»* (Очамчира, смешанная группа).

Отношение к главному официальному празднику хорошо иллюстрирует разницу

во взглядах жителей Приднестровья и Абхазии на своё государство. Хотя в ПМР участники фокус-групп безошибочно называли дату Дня Республики, многие высказывания по этому поводу были довольно пренебрежительными. Праздник, как правило, проводится как обычный выходной: *«Мы проводим время дома в тишине. ... Я не очень люблю фейковые забавы»* (Рыбница, украинцы).

Совершенно иначе воспринимают День Победы и Независимости в Абхазии. Для большинства респондентов это главный праздник, который отмечают в каждом городе и селе. Особенно важен он для семей, потерявших родственников на войне. *«...Мы отмечаем столько, сколько можем ... все поют и танцуют. Собирается до 100–120 человек, мы вспоминаем тех, кого нет с нами, кого мы потеряли»* (Очамчира, смешанная группа).

И оптимисты, и скептики обеих республик всё чаще ощущают трудности жизни в непризнанном государстве, вызванные многочисленными бытовыми неудобствами. Граждане ПМР жаловались в первую очередь на сложности оформления документов, непризнание дипломов, невозможность свободно выезжать за границу, заказывать товары с глобальных виртуальных торговых площадок, использовать международные банковские карты, а также фактическое исключение из международно-правового пространства. *«Я чувствую отсутствие статуса по двум причинам. Во-первых, это экономика: постоянно растут сборы, налоги и так далее, что делает многие предприятия убыточными. А во-вторых, мы не являемся субъектом международного права, и мы не можем подписывать многие конвенции, обращаться в международные суды и другими способами защищать свои права»* (Бендеры, смешанная группа). Часть проблем жителей Абхазии решена благодаря соседству с Россией и её значительной поддержке, но и они сетовали на трудности транспортировки товаров через границу, организации поездок в другие страны, а также получения высококвалифицированной медицинской помощи.

В целом, несмотря на многочисленные трудности, внешние угрозы и геополитическую нестабильность, граждане Приднестровья и в ещё большей степени Абхазии остаются сторонниками независимости. Республики сохраняют значительный внутренний суверенитет. Критикуя власть и выражая недовольство бытовыми проблемами, почти никто из респондентов не ставил под сомнение отделение от материнского государства. Как правило, чем дольше существует политическое образование, тем сильнее идентичность его граждан. Вместе с тем не исключено, что число недовольных отсутствием политического статуса может возрасти, особенно в Приднестровье, что повлияет на отношение к важнейшим внешним игрокам и может привести к обострению конфликта.

Отношение к материнскому государству, государству-патрону и другим мировым игрокам

Приднестровье. Отношение приднестровцев к Молдове противоречиво. Большинство респондентов, особенно старшее поколение, признают культурное сходство и даже тесную взаимозависимость с Молдовой, крепкие семейные узы, схожие обычаи: «*Эта глупая граница никогда не имела большого значения [для нас]*». Тем не менее они констатируют, что более тридцати лет раздельного существования, различия в ценностях и геополитических ориентациях и, наконец, вступление в активную жизнь поколений, выросших в де-факто разных государствах, перевешивают значение общего прошлого. Главный водораздел для приднестровцев — молдавский национализм, языковая политика, курс части молдавской политической элиты на объединение с Румынией. Участники фокус-групп отмечали нетерпимость некоторых молдаван к приднестровцам как к пророссийским сепаратистам, которая заметно усилилась после украинского кризиса 2014 года, когда в Молдове активизировались выступления против использования русского языка. Большинство респондентов не привлекает жизнь в Молдове. Прак-

тически все они винят политиков и коррумпированные элиты в нежелании и неумении находить компромиссы, видят происки крупных внешних игроков в разводе Приднестровья и Молдовы, подчёркивая, что между простыми людьми конфликтов нет. При этом современные отношения между властями ПМР и Молдовы видятся им тупиковыми.

Участники исследования очень скептически относятся к месту Молдовы в мире, называя её «буферной зоной», «пешкой в чужой игре» и даже «проституткой», считая бедным, нестабильным, коррумпированным государством, которое не может определить свои перспективы и постоянно находится на распутье. При этом люди опасаются гипотетического присоединения Молдовы к ЕС без Приднестровья, поскольку это грозит закрытием границы, что имеет решающее значение для нормального функционирования экономики левого берега реки. В то же время, по мнению других участников дискуссий, вступление Молдовы в ЕС даст возможность России признать ПМР. Некоторые респонденты считают, что, если Молдова станет членом ЕС, эмиграция на Запад из Приднестровья резко возрастет: «*Последний человек выключит свет*».

Россия психологически наиболее близка приднестровцам. Благодаря культурной близости и признанию приднестровских дипломов она выступает основной страной трудовой миграции из ПМР. Нанося на карту важнейшие для них города, все респонденты указывали Москву, очень многие — Санкт-Петербург и другие российские центры. Участники исследования прекрасно понимают, что Приднестровье выживает только благодаря политической и экономической помощи России. Особенно благодарны России за всестороннюю помощь старшие поколения и этнические русские. Они высоко ценят место России в мире как «сверхдержавы», «могущественной страны» и ассоциируют себя с ней.

Многие участники фокус-групп до сих пор мечтают о вхождении Приднестровья в состав Российской Федерации, за что на

референдуме 2006 г. проголосовало большинство избирателей. Присоединение к России ассоциируется у них со значительным повышением уровня жизни – экономическим развитием, новыми рабочими местами, выходом на обширный российский рынок, притоком субсидий, более высокими доходами и широкими возможностями для самореализации. Некоторых участников фокус-групп даже задело, что Россия не присоединила Приднестровье, как Крым. Причины ищут во внешних препятствиях: *«Они бы нас давно взяли, но вмешивается Украина»*. При этом большинство уверено: *«Россия нас не сдаст», «не отдаст нас ЕС»*, потому что *«столько денег вложено»*.

В то же время другая группа респондентов считает, что Россия будет использовать территорию ПМР как военный плацдарм, а присоединение к ней усугубит конфликты с соседними странами и приведёт к кризису в ряде секторов экономики. Скептически настроенные граждане (молодые люди с высшим образованием, украинцы, жители Бендер) сомневаются, что гипотетическое вхождение в состав России обернётся повышением уровня жизни, поскольку за блеском столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга скрывается крайняя нищета остальных территорий, особенно сельской местности и восточных регионов: *«ходят в туалет на улице», «нет электричества»*. По сравнению с европейскими странами Россия кажется им непривлекательной. По мнению этой группы респондентов, Россия выглядит сильной на внешней арене, но внутренне она слаба, богатые ресурсы страны используются неэффективно. Некоторые и вовсе крайне критически отзывались о России: *«мусорная свалка Путина», «ужасно, бедно», «фальшивый лидер»*. Уровень жизни в Молдове кажется им выше, поэтому при определённых условиях, в том числе при сохранении некоторой автономии, они готовы вернуться обратно в состав Молдовы.

Что касается Украины, то практически все респонденты считают её бедным, нестабильным (*«арена цирка»*) и зависимым государством, подчиняющимся командам

из-за рубежа, хотя и обладающим определённым потенциалом. Участники «украинской» фокус-группы отметили, что после кризиса 2014 г. приднестровцы часто испытывают враждебное отношение на Украине, а некоторые *«политизированные и ожесточённые»* граждане Украины негативно реагируют на приднестровский («русский») акцент приезжих из ПМР. Респонденты разделяют украинцев ПМР и украинцев из Украины.

Румыния не вызывает большого интереса у приднестровцев, они не стремятся туда попасть. О ней мало что известно. Среди населения распространён советский стереотипный образ этой страны как одной из беднейших в Европе, *«слабой», «грязной», «цыганской»*, но имеющей некоторые преимущества благодаря членству в ЕС. Напротив, многие «старые» государства–члены ЕС – в первую очередь Германия и Италия – становятся всё привлекательней, в первую очередь как направления трудовой миграции [Колосов, Кривенко 2021]. При этом многие считают, что ЕС мог бы предоставить Приднестровью экономическую помощь, хотя отмечают, что в Европе мало знают о ПМР, воспринимают её как пережиток СССР и не понимают причин конфликта с Молдовой.

Таким образом, многие жители Приднестровья по-прежнему стремятся к укреплению приднестровской государственности и отношений с Россией. Однако нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что для самых активных и образованных приднестровцев, которые стремятся изменить свою жизнь, трудовая миграция или выезд на постоянное место жительства за границу – в Россию и, всё чаще, в европейские страны стали важной альтернативой.

В Абхазии по-прежнему распространено мнение о том, что неперемное условие восстановления отношений с Грузией – признание независимости Абхазии и подписание соглашения о неприменении силы, от заключения которого Тбилиси отказывается много лет. При этом респонденты осознают, что Грузия не готова к признанию Абхазии: *«...при встрече первое, что*

они скажут: «Абхазия – это Грузия ... инстинкт самосохранения отталкивает абхазов от грузин» (Сухум, мужчины). Некоторые высказывались ещё жестче: «...мы останемся врагами на всю жизнь» (Гагра, женщина, абхаз), «других вариантов после войны нет» (Гагра, женщина, русская). Для многих очевидна важность возврата недвижимости грузинским беженцам и их наследникам для примирения с Грузией. При этом участники отрицают такую возможность и считают, что грузинская сторона нанесла Абхазии больший ущерб.

Хотя все участники фокус-групп с ностальгией вспоминали, что раньше народы Абхазии, в том числе абхазы и грузины, жили в гармонии, они уверены, что современная Грузия совсем «не та, что была раньше, сейчас она продана американцам. Американцы придут сюда через Грузию» (Гагра, мужчины). Грузию обвиняют в лицемерных попытках примириться с Абхазией ради её реинтеграции: «Они делают всё, даже принимают наших пациентов, просто чтобы сказать: “Мы такие добрые!”» (Гагра, женщины). Информированные респонденты указывают на желание Грузии переложить вину за возникновение конфликта с Абхазией на имперскую политику России: «...они винят во всём Россию: “Мы братья, но Россия вмешалась”» (Сухум, мужчина, армянин).

Граница с Грузией, как и границы других непризнанных государств с их метрополиями, имеет для Абхазии большое символическое значение. Эта граница разделяет граждан Абхазии и «чужих» – тех, кто не отказался от попыток заставить отколовшуюся республику вернуться, развязав новую войну. Как показали массовые опросы в 2009 и 2014 годах, подавляющее большинство жителей Абхазии приветствовали участие российских пограничников в защите республики [O’Loughlin et al. 2017]. Большинство граждан одобрили также установку пограничных знаков и строительство физических заграждений на некоторых участках границы с материнским государством, используемых с обеих сторон в пропагандистских целях («бордери-

зация»). С грузинской стороны граница с отколовшимися республиками интерпретируется как фундаментальная граница между верховенством закона и хаосом, Европой, куда Грузия стремится войти, и территорией, оккупированной имперской Россией, модернизацией и архаизмом. Как отметили участники фокус-группы, в Грузии принято интерпретировать отделение Абхазии и Южной Осетии исключительно как столкновение между Россией и коллективным Западом, что усиливает символическое значение конфликтов и переводит их в другую, более значимую, глобальную плоскость [Toal, Merabishvili 2019].

Таким образом, игнорируется сложная история взаимоотношений между грузинами, абхазами и осетинами, отрицаются обстоятельства возникновения Абхазии и Южной Осетии, меньшинства, проживающие в Грузии, лишаются субъектности. Принципиально разные интерпретации общей истории, причин и хода боевых действий в период борьбы за независимость оказывают сильное влияние на геополитическое видение мира и со временем всё сильнее легитимируют границу в сознании граждан непризнанного государства в государством, частью которого они были.

Тем не менее, несмотря на отказ Грузии от подписания соглашения о неприменении силы и несогласие с гипотетическим возвращением грузинских беженцев, многие респонденты, особенно молодые, выступают за переговоры и добрососедские отношения с материнским государством, восстановление связей с ним, но только при условии признания Абхазии. Пожилые люди с ностальгией вспоминают советское время: «*Давайте жить вместе, мы хотим жить вместе, мы все вместе выросли. Жили вместе замечательно*» (Сухум, женщины). Люди поддерживают контакты с родственниками, проживающими в Грузии, и родственные связи с мингрелами: «*...в сёлах Отхара, Хыпта, Лыхны и так далее очень много фамилий изначально из Мингрелии. И это всё вместе, с одной стороны, родственники, а с другой стороны, враги просто дальше некуда*» (Сухум, мужчины).

Сравнивая экономическую ситуацию в Абхазии и Грузии и, как следствие, привлекательность поездок в материнское государство, жители Сухума и Гагры не видят существенных различий в ситуации по разные стороны границы, хотя и отмечают более высокий уровень жизни в Тбилиси и крупных городах Грузии, хорошую систему здравоохранения и общественный порядок. При этом некоторые считают, что в Абхазии легче заработать. Такая оценка, противоречащая реальной ситуации, с одной стороны, свидетельствует о плохой осведомлённости большинства жителей Абхазии о ситуации в материнском государстве и антигрузинской риторике популярных российских и абхазских СМИ, а с другой стороны, отражает патриотические чувства. Только жители Галского района почти единодушны в том, что экономическая ситуация в Грузии лучше: *«Естественно, Грузия – большая страна, и она более экономически развита»* (Гал, мужчины).

Участники дискуссий сильно заинтересованы в свободе передвижения и снятии ограничений на выезд за границу, вызванных отсутствием политического статуса: ведь после войны с Грузией 1992–1993 годов у многих абхазских и грузинских семей есть родственники по всему миру, в первую очередь в России и Грузии, других республиках бывшего СССР, но также в Турции, странах Западной Европы и США. Молодые преподаватели вузов и сотрудники исследовательских институтов хотели бы построить карьеру, имея возможности обмена с зарубежными коллегами: *«Допустим, у человека нет российского гражданства и российского паспорта, ему ограничивают передвижение. Он может уехать только в Российскую Федерацию..., несмотря на то, что у него могут быть проекты, приглашения на какие-то престижные форумы, конференции»* (Сухум, женщины).

Грузинское население Галского района, не имеющее абхазских паспортов, оказалось в особенно тяжёлом положении. Некоторые респонденты заявили, что вынуждены рисковать, незаконно пересекая границу с Грузией: *«...если наш родственник*

умрёт в Зугдиди, мы пересечём границу, зная, что нас могут арестовать, что нас оштрафуют, что мы будем избиты. У нас свой менталитет, мы должны присутствовать на похоронах наших родственников» (Гал, мужчины). Многолетняя проблема выдачи паспортов жителям Галского района приводит к тому, что они более интегрированы в грузинское общество и государство, чем в абхазское, получая медицинские и образовательные услуги, покупая товары на грузинской стороне. В независимой Абхазии мингрелы Галского района оказались людьми второго сорта, многие из них не имеют паспортов и не могут легально выехать за пределы страны. Таким образом, консолидация абхазской политической нации по-прежнему откладывается на будущее, нанося ущерб внутреннему суверенитету и перспективам признания государства.

На всех фокус-группах в Абхазии участники единодушно подчёркивали жизненно важную роль гарантий безопасности, предоставляемых республике Россией, заявляли, что именно благодаря её экономической помощи строятся и ремонтируются дороги и школы, реализуются инвестиционные проекты. Практически во всех группах было отмечено, что большинство граждан Абхазии имеют российские паспорта, благодаря которым они имеют возможность получать российские пенсии и социальные пособия, участвовать в международных проектах и конкурсах: *«Даже если сюда вкладывают не совсем те же деньги, что в Чечню, они вкладывают и поддерживают нас много лет»* (Сухум, женщины).

В то же время, подчёркивая, что Россия – большая, великая страна, активный игрок на мировой политической арене, «страна-лидер», многие респонденты, особенно жители Сухума с высшим образованием, осведомлены об экономических и внешнеполитических трудностях «большого брата»: *«Российское правительство нажило себе много врагов тем, что никогда ни перед кем не склонило головы <...> На самом деле у России очень плохое международное положение»* (Сухум, женщины).

Практически единодушным было мнение, что Абхазии пора перестать рассчитывать на помощь России, а нужно полагаться на собственные ресурсы, развивать свою экономику, стать экономически более самостоятельной, автономной от России и, таким образом, обрести реальную независимость и суверенитет. Гипотетическое вхождение в состав Российской Федерации воспринимается в абхазском обществе крайне негативно, как полное поражение и крах всех надежд. Отрицательные определения Абхазии ассоциировались только с сильной зависимостью от России. *«Мне кажется, что через 50 лет нас присоединят к России ... Мы все будем плакать и страдать, почему мы допустили это»* (Сухум, женщины).

В этой связи, по мнению респондентов, границу с Россией как символ независимости нужно сохранить, хотя пересечение её не должно вызывать затруднений: *«Вы знаете, граница обязательно нужна. Независимое государство не может существовать без границы. Если сегодня убрать границу с Россией, то мы в составе России, это однозначно»* (Сухум, армяне).

* * *

Приднестровский и абхазский конфликты – это классические «замороженные», то есть неурегулированные, конфликты, уже вышедшие из стадии прямого вооружённого противостояния [Большаков 2008; Grant 2017]. Их разрешению мешают не только острые противоречия между сторонами, но и столкновение интересов влиятельных внешних игроков. В условиях обострения геополитической ситуации граждане всё чаще ощущают отсутствие широкого международного признания, крайне ограничивающего их внешние связи и соответственно внешний суверенитет.

Внутренний суверенитет обеих республик страдает от отставания в экономическом развитии и доходах населения от соседних стран. Самое главное, непризнанные государства проигрывают в экономической конкуренции с материнскими государствами, которые прилагают все усилия, чтобы

завоевать лояльность жителей отделившихся территорий, устанавливая для них разнообразные социальные льготы и разрабатывая специальные программы реинтеграции. Это отставание потенциально может подорвать лояльность граждан сложившимся политическим режимам, тем более что участники проведённых авторами фокус-групп определяют независимость не только как возможность самостоятельно принимать экономические и политические решения, но и как экономическую самостоятельность, осознают её отсутствие из-за критической зависимости от экономической, политической и военной (в случае Абхазии) помощи со стороны государства-патрона, то есть России.

Тем не менее большинство граждан Приднестровья и Абхазии по-прежнему высоко ценят независимость, даже признавая её неполный и во многом формальный характер. Критикуя власти и единодушно отмечая значительные трудности, вызванные отсутствием политического признания и ухудшением международной обстановки в последние годы, большинство населения обеих республик поддерживают правящие режимы. Признавая важность общей истории, обычаев и менталитета с родительским государством, большая часть граждан считают свои республики «отрезанным куском». Внутренний суверенитет обеих республик опирается главным образом на особую идентичность, основанную не только на коллективной памяти о вооружённом конфликте с материнским государством, но и осознании инаковости своей культуры, ценностей, жизненной стратегии, идей, места своего государства в мире, тридцатилетнего опыта государственного строительства. Экзистенциальная угроза и опасность по поводу возобновления попыток материнского государства вернуть отколовшиеся территории продолжают способствовать социальной сплочённости [Caspersen 2017; Berg, Vits 2018b] и укреплять идентичность республик. Пример Нагорного Карабаха, потерявшего большую часть своей территории в результате наступления Азербайджана осенью 2020 года,

подтверждает худшие опасения. Более того, сам нарратив о будущем гипотетическом признании способствует укреплению внутреннего суверенитета [Fabry 2017].

Идентичность населения Приднестровья и Абхазии во многом основана на ценностях полиэтнических сообществ, которые опасаются ассимиляционных стремлений метрополий. Можно согласиться с М. Минаковым, Г. Сассе и Д. Исаченко, которые считают, что ход конфликтов вокруг непризнанных государств определяется диалектической связью между постсоветским империализмом и национализмом [Minakov et al. 2021].

Чем сильнее специфическая идентичность граждан до обретения независимости, чем сильнее их вера в благоприятные перспективы своей республики и лояльность режиму, тем труднее добиться урегулирования конфликта с материнским государством. В Абхазии внутренний суверенитет явно сильнее, чем в Приднестровье. В обеих республиках большинство населения по-прежнему надеется на помощь России, хотя многие респонденты осознают ограниченные возможности государ-

ства-патрона. Участники фокус-групп преимущественно негативно относятся к своим материнским государствам – Молдове и Грузии. Мечта о присоединении к России всё ещё жива в Приднестровье, в основном среди граждан старшего поколения. Большинство же граждан Абхазии, независимо от национальности, как и раньше, полны решимости построить собственное государство.

Тем не менее, как показывают обсуждения в фокус-группах, среди жителей Приднестровья и в гораздо меньшей степени Абхазии появилась прослойка молодых и образованных граждан, которые не удовлетворены сложившейся ситуацией и хотели бы изменить свою судьбу или судьбу своих детей; они критически относятся к России и возможностям значительного улучшения жизни в обозримом будущем. По всей вероятности, при определённых обстоятельствах они будут готовы к попыткам интегрироваться в материнское государство или согласиться с другим радикальным политическим решением, которое вселит в них надежду на более успешное будущее.

Список литературы

- Большаков А.Г. «Замороженные конфликты» постсоветского пространства: тупики международного миротворчества // *Полития*. 2008. № 1. С. 27–37.
- Колосов В.А., Заяц Д.В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // *Вестник Евразии*. 2001. № 1. С. 88–122.
- Колосов В.А., Кривенко А.В. Влияние депопуляции на политическую жизнь и легитимность признанных государств (на примере Приднестровья) // *Известия РАН. Серия географическая*. 2021. Т. 85. № 2. С. 205–217.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 14 (1). С. 23–51.
- Левинсон А.Г. Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // *Вестник общественного мнения*. 2007. № 6 (92). С. 45–54.
- Маркедонов С.М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // *Аналитические доклады Института Кавказа*. 2012. № 5. 180 с.
- Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 79–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89.
- Маркедонов С., Окунев И. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536.1861957. Регионы России 2019. Социально-экономические показатели. Росстат. М., 2019. 1204 с.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // *Политические исследования*. 2012. № 2. С. 31–46.
- Abkhazia in Numbers 2019. State Statistics Committee of the Republic of Abkhazia, 2020. 157 p.

- Assessment of the potential for sustainable development of small towns in the Dniester River valley. Kishinev, 2017. 72 p.
- Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states // *Political Geography*. 2018. Vol. 63. No. 1. P. 159–173.
- Berg E., Mölders M. Who is entitled to 'earn sovereignty'? Legitimacy and regime support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh // *Nations and Nationalism*. 2012. Vol. 18. No. 3. P. 527–545.
- Berg E., Pegg S. Do Parent State Strategies Matter in Resolving Secessionist Conflicts with De Facto States? // *Strategies of Secession and Counter-Secession*. R. Griffiths and D. Muro (eds.). London: ECPR Press, 2020. P. 52–68.
- Berg E., Vits K. The Do-or-Die Dilemma Facing Post-Soviet De Facto States // *Ponars Eurasia – Policy Memos*. 2018. P. 1–5.
- Berg E., Vits K. Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States // *Ethnopolitics*. 2018. No. 17 (3). P. 1–18.
- Berg E., Vits K. Transnistria's European Drive: A Means to What End? // *Geopolitics*. 2022. Vol. 27. No. 3. P. 852–874.
- Blakkisrud H., Kemoklidze N., Gelashvili T., Kolstø P. Navigating de facto statehood: trade, trust, and agency in Abkhazia's external economic relations // *Eurasian Geography and Economics*. 2021. Vol. 62. No. 3. P. 347–371.
- Broers L. Recognising politics in unrecognised states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus // *Caucasus Survey*. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 59–74.
- Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System, MA: Polity, 2012. 210 p.
- Caspersen N. Making Peace with De Facto States / Unrecognized States and Secession in the 21st Century // Eds. Riegl M. and Doboš B. Springer International Publishing: Cham, Switzerland, 2017. P. 11–22.
- Caspersen N. Recognition, Status Quo or Reintegration: Engagement with de facto States, *Ethnopolitics*, 2018. <https://doi.org/10.1080/17449057.2018.1495360> 1-18.
- Dembinska M. Carving out the nation with the enemy's kin: double strategy of boundary-making in Transnistria and Abkhazia // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 25 (1). P. 298–317.
- Dembinska M., Campana A. Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 254–278.
- Dembinska M. La fabrique des États de facto. Ni guerre ni paix. Les Presses de l'Université de Montréal, 2021. 295 p.
- Fabry M. Unrecognized States and National Identity / Unrecognized States and Secession in the 21st Century // Eds. Riegl M. and Doboš B. Springer International Publishing: Cham, Switzerland, 2017. P. 23–34.
- Grant T.D. Frozen Conflicts and International Law, *Cornell International Law Journal*. 2017. Vol. 50. No. 3. Article 1. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol50/iss3/1> (дата обращения: 22.09.2021).
- Hoch T. Legitimization of Statehood and its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia // *Iran and the Caucasus*, 2018. Vol. 22. No. 4. P. 382–402.
- Kolosov V., O'Loughlin J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // *Geopolitics*, 1999. Vol. 3. No. 1. P. 151–176.
- Kolosov V., Zotova M. «De-Facto Borders» as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States // *Historical Social Research*. 2021. Vol. 46. No. 3. P. 178–207.
- Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research*. 2006. No. 43(6). P. 723–740.
- Minakov M., Sasse G., Isachenko D. Post-Soviet Secessionism. Introductory Remarks / Post-Soviet Secessionism. Nation-Building and State-Failure after Communism // Eds. Minakov M., Sasse G. and Isachenko D. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2021. P. 7–14.
- Moldovei statistica teritoriala 2019. National de Statistica al Republicii Moldova, 2020. 186 p.
- O Beacháin D. 2019. Cheque-mates? Abkhazia's quest for international recognition // *Studies in Transition States and Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 55–76.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Vol. 55 (5). P. 423–456.
- O'Loughlin J., Toal G., Kolosov V. Who identifies with the "Russian World"? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. No. 57(6). P. 1–34.
- Pegg S. *International Society and the De Facto State*. Aldershot: Ashgate, 1998. 326 p.

- Pegg S.* Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects. Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford: Oxford University Press, 2017. 350 p.
- Shesterinina A.* Mobilizing in Uncertainty: Collective Identities and War in Abkhazia. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2021. 258 p.
- Statistical publication Regions of Ukraine 2019. Part I, Kyiv, 2020. 270 p.
- Statistical yearbook 2019. Tiraspol, 2019. 183 p.
- Statistical Yearbook of Georgia: 2019. National Statistics Office of Georgia. Tbilisi, 2019. 290 p.
- Stewart D.W., Stamdasani P.N., Rook D.W.* Group Depth Interviews: Focus Group / The SAGE Handbook of Applied Social Research Methods // Ed. L. Bickman and D. J. Rog. Los Angeles: SAGE, 2009. P. 589–616.
- Toal G., Merabishvili G.* Borderization Theatre: Geopolitical Entrepreneurship on the South Ossetia Boundary Line, 2008–2018 // Caucasus Survey. 2019. No. 7 (2). P. 110–133.

ECONOMIC DEVELOPMENT AND INTERNAL SOVEREIGNTY OF TRANSNISTRIA AND ABKHAZIA

30 YEARS OF DE-FACTO INDEPENDENCE*

VLADIMIR KOLOSOV

MARIA ZOTOVA

Institute of Geography of Russian Academy of Science, Moscow, 119017, Russia

Abstract

For more than 30 years, Transnistria and Abkhazia separated from their parent states and proclaimed independence. Generations born and raised in unrecognized states have already entered an active age. In this regard, the question of how citizens of the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Republic of Abkhazia understand independence, how important it is for them, how do they see the prospects of their states and what life strategies do they choose, becomes especially relevant. In the article, the authors compare the results of 13 focus groups conducted in Transnistria and Abkhazia in the fall of 2020 with the main socio-economic indicators of de facto states and their neighbors. This approach made it possible to connect the perception of the problems of everyday life with changes in the identity of citizens and the internal sovereignty of unrecognized states, to highlight the factors uniting and dividing various social groups, to assess their attitude to the current results and prospects of state building. The different composition of the groups made it possible to compare the opinions, firstly, of citizens who were socialized after the collapse of the Soviet Union and in Soviet times, secondly, different ethnic groups, men and women, and, thirdly, residents of different districts of de-facto states. It was revealed that the main economic indicators of Abkhazia and Transnistria lag behind the average values of neighboring countries. The lack of significant economic progress can potentially affect the loyalty of citizens to the political regime and negatively change the viability of the republics. In this context, signs of fatigue from the

* The study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project № 19-17-00232 "Post-Soviet Non-Recognized States: Factors of Viability and Risks for Russia" and with the support of the State Assignment IGRAS (no. AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)).

inconveniences of life in the unrecognized republic and low-income levels compared to neighboring countries and the mother state were revealed in the Abkhaz and Transnistrian societies.

Keywords:

unrecognized states; post-Soviet space; Pridnestrovian Moldavian Republic; Abkhazia; sovereignty; neighborhood; patron state; parent state; socio-economic development; views of residents.

References

- (2017). *Assessment of the potential for sustainable development of small towns in the Dniester River valley*. Kishinev. 72 p.
- (2019). *Regiony Rossii 2019* [Regions of Russia 2019]. Moscow: Rosstat. 1204 p.
- (2019). *Statistical yearbook 2019*. Tiraspol. 183 p.
- (2019). Statistical Yearbook of Georgia: 2019. Tbilisi: National Statistics Office of Georgia. 290 p.
- (2020). *Abkhazia in Numbers 2019*. State Statistics Committee of the Republic of Abkhazia. 157 p.
- (2020). *Moldovei statistica teritoriala 2019*. National de Statistica al Republicii Moldova. 186 p.
- (2020). *Statistical publication Regions of Ukraine 2019*. Kyiv. Part I. 270 p.
- Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. (2018). Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states. *Political Geography*. Vol. 63. No. 1. P. 159–173.
- Berg E., Mölder M. (2012). Who is entitled to 'earn sovereignty'? Legitimacy and regime support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh. *Nations and Nationalism*. Vol. 18. No. 3. P. 527–545.
- Berg E., Pegg S. (2020). Do Parent State Strategies Matter in Resolving Secessionist Conflicts with De Facto States? In R. Griffiths and D. Muro, (eds) *Strategies of Secession and Counter-Secession*. London: ECPR Press. P. 52–68.
- Berg E., Vits K. (2018). The Do-or-Die Dilemma Facing Post-Soviet De Facto States. *Ponars Eurasia–Policy Memos*. P. 1–5.
- Berg E., Vits K. (2018). Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States. *Ethnopolitics*. Vol. 17. No. 3. P. 1–18.
- Berg E., Vits K. (2022) Transnistria's European Drive: A Means to What End? // *Geopolitics*. Vol. 27. No. 3. P. 852–874.
- Blakkisrud H., Kemoklidze N., Gelashvili T., Kolstø P. (2021). Navigating de facto statehood: trade, trust, and agency in Abkhazia's external economic relations. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 62. No. 3. P. 347–371.
- Bolshakov A.G. (2008). "Zamorozhennyye konflikty" postsovetskogo prostranstva: tupiki mezhdunarodnogo mirotvorchestva ["Frozen conflicts" of the post-Soviet space: Dead Ends of International Peacemaking]. *Politika*. No. 1. P. 27–37.
- Broers L. (2013). Recognising politics in unrecognized states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus. *Caucasus Survey*. Vol. 1. P. 59–74.
- Caspersen N. (2012). *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. MA: Polity. 210 p.
- Caspersen N. (2017). Making Peace with De Facto States. In Riegl M., Doboš B. (eds) *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing. P. 11–22.
- Caspersen N. (2018). Recognition, Status Quo or Reintegration: Engagement with de facto States. *Ethnopolitics*. <https://doi.org/10.1080/17449057.2018.1495360> 1-18.
- Dembinska M. (2018). Carving out the nation with the enemy's kin: double strategy of boundary-making in Transnistria and Abkhazia. *Nations and Nationalism*. Vol. 25. No. 1. P. 298–317.
- Dembinska M., Campana A. (2017). Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 2. P. 254–278.
- Dembinska M. (2021). *La fabrique des États de facto. Ni guerre ni paix*. Les Presses de l'Université de Montréal. 295 p.
- Fabry M. (2017). Unrecognized States and National Identity. In Riegl M., Doboš B. (eds) *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing. P. 23–34.
- Grant T. D. (2017). Frozen Conflicts and International Law. *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Article 1. Available at: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol50/iss3/1> (accessed: 22.09.2021).
- Hoch T. (2018). Legitimization of Statehood and its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia. Iran and the Caucasus. Vol. 22. No. 4. P. 382–402.

- Kolosov V., O'Loughlin J. (1999). Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR). *Geopolitics*. Vol. 3. No. 1. P. 151–176.
- Kolosov V., Zotova M. (2021). «De-Facto Borders» as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States. *Historical Social Research*. Vol. 46. No. 3. P. 178–207.
- Kolosov V.A., Crivenco A.V. (2021). Vliyaniye depopulatsii na politicheskuiu zhizn' i legitimnost' nepriznannykh gosudarstv (na primere Pridnestrov'ya) [Depopulation as a Factor in the Legitimacy of Unrecognized States (on the example of Transnistria)]. *Izvestia RAN. Seriya geograficheskaya*. Vol. 85. No. 2. P. 205–217.
- Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. (2021). Nekontroliruemye territorii v sovremennom mire: teoriia, genezis, tipy, dinamika [Uncontrolled territories in the contemporary world: theory, genesis, types, dynamics]. *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, parvo*. Vol. 14. No. 1. P. 23–51.
- Kolosov V.A., Zayats D.V. (2001). Moldova i Pridnestrov'e: natsional'noe stroitel'stvo, territorial'nye identichnosti, perspektivy razresheniia konflikta [Moldova and Transnistria: Nation-Building, Territorial Identities, Prospects for Conflict Resolution]. *Vestnik Evrazii*. No. 1. P. 88–122.
- Kolstø P. (2006). The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research*. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.
- Levinson A. (2006). Otkrytye gruppovyie diskussii kak metod prikladnykh sotsiologicheskikh issledovaniy [Open Group Discussions as a Method of Applied Sociological Research]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2007. No. 6 (92). P. 45–54.
- Markedonov S. (2012). De-fakto obrazovaniia postsovetskogo prostranstva: dvadtsat' let gosudarstvennogo stroitel'stva [De Facto States in the Post-Soviet Space]. *Analiticheskie doklady Instituta Kavkaza*. No. 5. 180 p.
- Markedonov S.M. (2021). Postsovetskie de-fakto gosudarstva: traektorii bor'by za suverenitet [Post-soviet de facto states: trajectories of their struggle for sovereignty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 12. P. 79–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89.
- Markedonov S., Okunev I. (2020). Celostnost' i samoopredelenie gosudarstv v mire problemnoj suverennosti [State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty]. *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4. P. 1422–1436. DOI: 10.15826/qr.2020.4.536.
- Minakov M., Sasse G., Isachenko D. (2021). Post-Soviet Secessionism. Introductory Remarks. In Minakov M., Sasse G. and Isachenko D. (eds) *Post-Soviet Secessionism. Nation-Building and State-Failure after Communism*. Ibidem Verlag. P. 7–14.
- Ó Beacháin D. (2019). Cheque-mates? Abkhazia's quest for international recognition. *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 55–76.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. (2014). Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 55(5). P. 423–456.
- O'Loughlin J., Toal, G. Kolosov V. (2017). Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*. No. 57(6). P. 1–34.
- Pegg S. (1998). *International Society and the De Facto State*. Aldershot: Ashgate. 326 p.
- Pegg S. (2017). Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects. In: *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford: Oxford University Press. 350 p.
- Sebentsov A., Kolosov V. (2012). Fenomen nekontroliruemyykh territorii v sovremennom mire [The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 31–46.
- Shesterinina A. (2021) *Mobilizing in Uncertainty: Collective Identities and War in Abkhazia*. Ithaca (NY): Cornell University Press. 258 p.
- Stewart D.W., Stamdasani P.N., Rook D.W. (2009). Group Depth Interviews: Focus Group. In L. Bickman, D. J. Rog (eds) *The SAGE Handbook of Applied Social Research Methods*. Los Angeles. SAGE. P. 589–616.
- Toal G., Merabishvili G. (2019). Borderization Theatre: Geopolitical Entrepreneurship on the South Ossetia Boundary Line, 2008–2018. *Caucasus Survey*. Vol. 7. No. 2. P. 110–133.